

ЮЖНАЯ ПРАВДА
г. НИКОЛАЕВ

ЮЖНАЯ ПРАВДА

ТАМ И НАШИ СВЕТАТСЯ СЕРДЦА

В МИРЕ художественного мышления и творчества, создающих духовные ценности, Николаевичина имеет славных и верных своих сынов.

Одному из них — Анатолию Григорьевичу Поперечному сегодня исполняется пятьдесят лет. Родился он в Новой Одессе и прожил там четыре года, которые успели подарить ему ту память и те чувства, что волнуют всю жизнь.

Началась синяя колыха —
Лишь крик остался в потолке.
А детство близко и не близко
Коней купало на реке.

А затем (1938—1941 и 1944—1957 годы) — Николаев, где и сейчас живут его родители Александр Михайлович и Григорий Демьянович, давшие своему сыну здоровье хорошее, сердце доброе и честное, да творческое вдохновение, которое всегда настолько безжалостно, насколько крылато, и красочно, и проникновенно.

Капель капелит в крыльца.
Апрель пыльной апрелит раму.
Я вырос жесткостью в отца
И нежной родникой — в маму.
Я эту нежность сохранил.
На строчку бережно нанижу...

В благодарности и любви к матери и отцу его счастье. Ими и гордостью за свою Родину, за рабочий ее класс и хлеборобов освещено его творчество, которому поэт большой мерой отдает работу ума и волнения сердца по законам жизненной правды, как он говорит, никогда не приемля половинчатости души.

Цельная душа — кладь, в котором всегда чистая вода, утоляющая нашу жажду и оздоравливающая нас, и вместе с тем книга, на белые листы которой ложится жизнь. Вот и появилось на свет стихотворение «Паром сорок первого года» с удивительными подробностями переправы через Днепр и точной атмосферой военного лихолетья.

За той переправой Анатолию исполнилось семь лет, и было это как второе рождение, потому что фашистские стервятники всех тех, что были на пароме, приговорили к смерти. С бредущего, птичьего полета и с улыбкой-оскалом на лицах они кидали бомбы, из пулеметов и скорострельных пушек расстреливали на том тихоходном пароме детей, женщин, раненых красноармейцев и командиров: «Свистели пули, сыпались осколки, и лейтенант израненный стонал... О, сколько раз в тот день я умирал!».

С полемым госпиталем война забрасывала мать — медицинского фельдшера и ее сына в Мелитополь, Мариуполь, Ростов, Казань, Бугульму, а отец был на фронте. Мягких трав великолепье,

Тишина в той тропе.
Но глухой разрыв над степью
Поднял землю на дыбы.
И уже в дожди косые,
Под прощальным перестук,
Встали женщины России
Изымаям разлук.

Это стихотворение «Солдатка» сразу же стало популярной песней «Рязанские мадонны» благодаря прекрасной музыке незабвенного Александра Долуханова и голосу, исполнителю мастерству Людмилы Зыкиной, которая эту песню отнесла к своей судьбе, к своему призванию.

«Рязанские мадонны» легли первым бриллиантом в песенное ожерелье, тончайшую вязь слов для которого сотворил Анатолий Поперечный. За ними — «Романтика», «Шаги», «Эта — жизнь», «Соловьиная роща», «Малиновка», «Девушка из Полесья», («Алесь»), «Музыка любви», «Русская природа», «А мне покоя нет», «Глухарина заря», «Реченька туманная», «Вишневая метель», «Карусель», «Большое лето», «Трава в доме» и другие.

Их нежный лиризм и сокровенность, волнующая напевность и поэтическое озарение освещают самое милое и дорогое в окружающем мире и в нас самих, и мы чувствуем, как там, в словах, строках, стихах поэта, и наши светятся сердца: «Дали очне окну, заглядевшись на закат, постою у той рябины, как у знамени стоят». «Тихая Слободка, уснул ее народ. Безвесьельная лодка вдоль берега плывет, «А на оздобей ветке — один лишь желтый лист, да на сыром рассвете — синичий перестук».

Когда встречаешься с Анатолием Григорьевичем, о его творчестве и о нем самом не успеваешь поговорить. С ним легко и просто, и как-то незаметно «все его» отодвигается в сторону, в исчезающую даль, и общение с ним заполняется Пушкиным, Лермонтовым, Егором Исаевым, Василием

Шукшиным, Марком Лисянским, творческой судьбой товарищей.

А по отношению к своим удачам — что-то такое, что не вкладывается в понятие скромности или золотой молчаливости. Оно, наверное, вот в этих строках: «Нет, тот мне товарищем не был, кто... расхваливать тут же начнет... И нынче трезва голова, когда за столом я слышу хвалебные чьи-то слова». И скорее всего вот в этих: «Мне в превосходстве нет нужды», «Верши Песню немо, как собственный суд. И вот оно — небо, и вот она — суть!».

Таковы нрав и позиция человека, стихом и общением борющегося за человеческую прямоту, бесхитростность, рыцарское благородство. Хамства и подлости он не терпит и может ударить по ним не только стихами: в которых касается нечестности с отвращением.

Вгрызайся в землю,
Или в высь тянись,
Но душу, душу береги прямую.
И в полный рост —
На смерть или на жизнь!..

Эта строфа из поэмы «Горячий цех», которая публикуется сегодня впервые. С тех пор, как она была написана для читателей «Южной правды», прошло больше года, и ни разу Анатолий Григорьевич не напомнил о ней. Как и раньше о других своих стихах не напоминал, не торопил...

Поэма посвящена кораблам Черноморского судостроительного завода. Об этом заводе, его людях много хорошего сказано в целом ряде стихов и поэм («Три мастера», «Парь-токарь») Анатолия Поперечного. Сюда он пришел после десятилетки. Работая и заочно учась в Николаевском педагогическом институте, прошел хорошую школу зрелости и патриотизма. Когда перешел на пятый курс, по-прежнему со студенткой Ленинградского медицинского института Светланой, влюбился и уехал к ней в Ленинград. Так что заканчивал институт уже не имени Белинского, а имени Герцена. Вышло то, о чем сказано в поэме «Горячий цех».

Весь он — своими мыслями, переживаниями, идеалами и своей судьбой — в своих стихах, в которых ни единым словом не погрешил перед действительностью.

Через год после того, как в 1958 году Светлана подарила Анатолию сына Сергея, Анатолий подарил им первую книгу стихов «Полнолуние». Потом еще четыре издавать. В этом году московское издательство «Художественная литература» выпустило в свет сборник избранных его стихотворений и поэм — плод 25-летнего поэтического труда.

В 1964 году он вступил в ряды Коммунистической партии, миссию и мужество которой, как и гений Ленина, по достоинству оценил уже в первых своих стихотворениях. И написал поэму о революции, о том, как его лед с гордостью крикнул схватившим его белогвардейцам: «Стреляйте, я — большевик!», о том, как кулачке стреляло из обреза в отца-агронома:

Может быть, та соленая кровь,
Что на смуглом лице запеклась, —
Это вера твоя и любовь.
Первый цвет твой,
Советская власть.

Возможности Анатолия Григорьевича заметила редакция журнала «Октябрь» и, пригласив его в Москву, поручила заведовать отделом поэзии. Было это в 1961 году. С 1964 года — поезди по стране: Белоруссия, Урал, Каспий, Тюмень, Забайкалье... И об этом — стихи, книги, и о том, что творится в мире.

Во все и в нынешние лета
Я вижу, чуть смежив глаза,
Чем совершеннее планета —
Непримиримой полюса.

Поэт-земляк пришел к своему пятидесятилетнему с нашим уважением и благодарностью за написанное им и в расцвете своих творческих сил. Пожелаем же Анатолию Григорьевичу Поперечному, снова-таки употребив его выражение, успешно свершать поэзии обряд.

Н. ШАРАФАНОВ.

Под сводами страдного века,
Не то чтобы в медных
Хочу я начальника цеха
Сегодня припомнить
Он знал безотцовщины
И горечь жила в нем самом.
И школу оставил он вскоре,
Примерно на классе

Сурова планка такая,
Свинцова и так тяжела.
Как будто труба полковая,
Труба заводская звала.
Все было...
Подручный в кузнечном,
В токарном — потом —
Ученик.

Вечерние курсы, конечно,
И заумь зачитанных книг.
О, правды железные розы!
Пусть лучшие силы страны

О нем поподробнее —
В поэме...
Но песни зачем нам даны?
Зачем по ночам нас
Тревожат,
Забывая, уснуть не дают...
Пылают Олимпы,
У подножья
Какие-то люди спуют.
Не боги Олимпа нас судят —
В горниле земной суеты —
Простые рабочие люди,
Чьи тяжче, чем наши,
Труды.

Они,
Кто не ради успеха...
Творит и любя, и грубя...
Под сводами ярого цеха
Ты с ними.
Я вижу тебя.

Кучнели звезды,
Теплые, как соты.
Медово пахли губы и трава.
И в пятый раз,
А может быть, и в сотый,
Я повторял, как заповедь,
Слова:

Вгрызайся в землю,
Яблоно саяя,
А яблоко срывая,
В высь тянись,
Лоб расшибай,
Мозоли наживая,
В жизнь, как в атаку,
В полный рост,
Стремись...
Так мне твердил отец,
На солнце шурясь,
Танкист и пахарь,
Преданный земле.
Мой садовод,
Мой солнечный Мичурин,
Взрастивший чувства добрые
во мне...
Гудел набитый пчелами
подсолнух.

Поблескивал в углу
велосипед,
Тот, харьковский,
Со спицами, как солнце,
Лучистое,
В мои семнадцать лет.
Тот, на котором мчался,
на свиданье,

На первое,
К заветному мосту,
Где торговали бабушки
цветами.
Не принимая этим красоту.
Я покупал тревожные
гвоздики,
Что пахли ожиданьем
и тоской...

Все это было
На прекрасном стыке
Влюбленности и юности
мужской.
Меня уже манил
неотвратимо

Завод,
Судостроительный гигант.
Четвертый цех,
Горячий,

Наш заводской
и признанный поэт.
Встать в полный рост
Порой бывает страшно,
Не встать — страшнее,
В этом и вопрос...

Вот так на комсомольских
Ярых сходках
Характеры схлестнулись —
В полный рост.
Шли друг на друга,
Рвали душу,
Глотку,
Все потому, что разговор
не прост.

А все о том,
Что, суть порою пряча,
Мы забываем в суете сует
О КПД,
О той самоотдаче,
А без нее напора в жизни
нет...

Горячий цех.
Четвертый цех.
В разгаре
Обычный день рабочий.

Член комитета,
Комсомолец видный,
Ударник и гроза блатных
ребят.
Ну, до чего же все-таки
обидно.

А страсти накаляются,
Шумит собрание.
И Петрова, челку
Сдувая уголками губ
Со лба,
Бросает гневно:
«У него — девчонка
В Одессе этой...
А любовь слепа...
Что для него ударная

бригада,
Куда важнее — девочки
в порту,
Матросский форс,
Дешевая бравада,
Стальная фикса, наконец,
во рту!..».

И всколыхнулся шпори
девятибалльный,
И прокатился гуд,
Недобрый, злой.
Но поднял кепку из рядов
Пал Палыч,
Железный мастер наш,
Старик седой:
«Пуцай плывет —
под всеми парусами, —
Большому кораблю и путь
большой...
А без него мы как-нибудь
и сами
Управимся, раскниушши
баншкой.

Незаменимых нет.
Пуцай уходит,
Но только не жалест пусть
потом.
Ну, а сейчас при всем
честном народе,
При комсомольском нашем,
заводском,
Пусть встанет в полный
рост,

Не мал, однако,
В глаза посмотрит мне...
Приемный сын...
Когда отец в последнюю
атаку

Шел на победный штурм,
Шел на Берлин,
Что завещал он,
Знаешь?
Ты не знаешь.
Но смысл его последних
слов

Был прост:
«Будь счастлив,
Даже если умираешь,
Иди навстречу смерти —
В полный рост!»
Примерно так сказал отец
твой.

Парень...
Ну, а теперь плыви,
Или катись...
Горячий цех
Дышал огнем и паром.
Сквозь дымный потолок
Сияла высь.
Стоял мой друг,
Как будто отгорожен
От всех от нас
Чертою этих фраз.
Но был и мне преподнесен,
Мне — тоже,
Урок твой, цеховой
Рабочий класс.

Из Звездного Ковша —
Глоток на брата —
Дарила юность
Синевы глоток.
А проза жизни?
Быт.
Жилье.
Зарплата...
Все это тоже, впрок,
Или не впрок?..
Порою в этом разобраться
трудно.

А надо.
Словно расколоть орех.
Горячий цех.
Рабочей смены будни.
Собрание.
И ты — вдруг — против
всех.

И я,
Сидящий на скамейке,
Справа,
И я,
Смолчавший,

Друг,
В твой судный час.
И я,
Как вся орущая орава,
Поверивший,
Что ты предашь всех нас...
Я это не прошу себе вовеки.
Неверия отравный,
Горький дым,
Порою выжигает в человеке
Святое чувство веры,
Что храним,
Как заповедь,
Отцовскую,
Простую:
«Вгрызайся в землю,
Или в высь тянись,
Но душу, душу береги
прямую,

И в полный рост —
На смерть или на жизнь!..»
Жизнь, как горячий цех,
Тебя ковала.
Скрипела на зубах ее
кыльца.

Железная окалина метална...
Покрывает раскаленные
сердца...

И нас с тобой,
В жесткой робе Музы,
Нет, не прельщают длинные
рубли.
Мы, прогибаясь от земного
груза,
Храним под сердцем горсть
родной земли.
И этой силой мы земной
богаты,

Едины мы сплочением
семьи —
Жестянщика,
Железные ребята,
Пожизненные спутники мои.
Над нами — ветер
пламенного века.
Космические дали нам
близки.
Горячего и ярого
цеха —

Полпреды...
Работяги...
Мужики...
Еще друг друга выручим,
Коль надо.
Враг классовый,
Ты с Классом не шути.
Рабочий Класс —
Всемирная Бригада!
А впереди — еще путь,
пути...

И вот спусти года,
Крутые годы,
На гребне лет —
Я узнаю тебя.
Мой друг,
Как главный инженер
завода,

Меня встречает,
Радость торопясь.
А за спиной —
Грохочет проходная,
И целой жизни полная
река...

Горячий цех.
Стихия заводская.
Товарища горячая рука.
А помнишь?
Помнишь...
Как вчера,
Все было...
Петрова Надя.
Где теперь она?
Она ж тебя любила,
Да, любила...
А друг в ответ:
Она — моя жена...
Горячий цех...
Душа вновь всколыхнулась.
Горячий цех простил мне
все грехи...
А вот сейчас напомнил
нашу юность,
Как те несовершенные
стихи...
И я гляжу на башенные
краны,
Что достают стрелой
до самых звезд.
А люди, люди —
тоже великаны,
Когда встанут в свой самый
полный рост!

Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ

ГОРЯЧИЙ
ЦЕХПОЭМА. Посвящается
корабелам-черноморцам